

СОЦИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

А.В. Юревич

СОЦИОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ

В статье представлена точка зрения, с позиции которой автор полагает, что саморефлексия психологии свелась преимущественно к ее методологической рефлексии – над развитием психологического знания. Отмечается, что вместе с тем очень актуален и анализ происходящего в психологическом сообществе, а также его взаимоотношений с обществом, что должно стать предметом социологии психологии. Обобщаются основные тенденции в развитии мирового и отечественного психологического сообщества, взаимоотношения психологической науки и практики в современном российском обществе. Показывается, что психологическая культура нашего общества носит «закрытый» характер, психология занимает в современной России скромное место в сравнении с другими социогуманитарными дисциплинами, которое не соответствует ее возможностям и амбициям.

Ключевые слова: психология, общество, психологическое сообщество, социология психологии, психологическая наука и практика, тенденции, психологическая культура.

1. Саморефлексия психологии

Термин «рефлексия» – одно из наиболее популярных понятий психологической науки. Однако здесь уместна известная формула «сапожник ходит без сапог»: активно применяя этот термин и изучая различные виды рефлексии, психологическая наука испытывает дефицит рефлексии, обращенной на саму эту науку.

Подобное утверждение может показаться чрезмерно категоричным. Ведь методологическая саморефлексия психологии – и как науки, и как области практической деятельности – в последние годы обнаруживает все основные признаки «пассионарности». Методология психологии, еще совсем недавно казавшаяся одной из наиболее скучных и малоактуальных областей психологического исследования, сейчас, если судить по количеству посвященных ей книг, статей,

конференций, семинаров и т.п., превращается в одно из его наиболее «разогретых» тематических полей.

Однако саморефлексия науки не сводится только к ее *методологической* рефлексии. К основным разделам науковедения как науки о самой науке, т.е. ее саморефлексии, принято относить не только философскую методологию науки, но также социологию науки, психологию науки, экономику науки, организацию науки, научную политику, наукометрию и др.¹, а ее саморефлексия, выстроенная

¹ В изданном в 1985 г. коллективном труде «Основы науковедения» [15] выделяются его пять основных разделов, в вышедшей ранее книге «Социологические проблемы науки» [23] – шесть, в книге П.А. Рачкова [18] – шестнадцать, в работе Н.И. Родного [19] – восемь, в статье С.Р. Микулинского [9] – пять. Но большинство подобных систематизаций науковедения выделяют описанные выше разделы в качестве основных.

в рамках лишь одного из этих направлений, обречена на заведомую неполноту и односторонность. Вследствие сведения саморефлексии психологии преимущественно к ее методологической рефлексии отсутствуют полноценный анализ *социальных* процессов, разворачивающихся в нашем психологическом сообществе, а также его «инвентаризация», информация об общем количестве психологов в современной России, их распределении по основным видам психологической деятельности и многое другое.

Несколько упрощая реальную структуру науковедения, его основные разделы можно свести к двум главным составляющим:

1) изучению закономерностей развития научного знания (а также его состояния, основных способов и трудностей его построения и т.п.);

2) изучению основных характеристик и тенденций развития научного сообщества.

Первый блок проблем относится к *когнитивному* контексту науки, изучаемому ее логикой, философией и методологией, второй же охватывает *социальный* контекст, изучаемый социологией, психологией, экономикой науки и другими разделами науковедения. Саморефлексия психологии свелась преимущественно к анализу первого контекста, в то время как ее второй контекст практически выпал из поля этой рефлексии², а, скажем, такая дисциплина, как социология

² В качестве частных исключений из этого общего правила можно выделить отдельные социальные элементы истории психологии – биографические данные и т.д., присутствующие в соответствующих книгах, а также иногда выносимые на страницы психологических изданий «разборки» между психологическими школами и конкретными психологами, в процессе которых нередко предпринимаются обращения к социальному контексту науки. Однако и то, и другое, равно как и психобиографии самих психологов [11], трудно считать систематическим изучением психологического сообщества.

психологии³, пока не сформировалась, в чем психологическая наука явно отстает от науковедения в целом.

Это препятствует не только выявлению процессов, во многом определяющих общий облик психологической науки и разворачивающихся в самом отечественном и мировом психологическом сообществе, но и адекватному пониманию места психологии в современном обществе, необходимому для определения перспектив и ключевых направлений ее развития.

2. Психологическое общество и психологическое сообщество

И.Е. Сироткина и Р. Смит пишут: «Из скромной по размерам академической университетской дисциплины, какой она была в предшествующее столетие, психология превратилась в масштабную научно-практическую сферу деятельности и заняла доминирующее место в культуре западных обществ ... Все это дало повод говорить о современном западном обществе как “психологическом” – опирающемся на психологию в решении и каждодневных проблем индивида, и глобальных социальных проблем» [22, с. 114]⁴.

Отмечается также, что осуществляемая психологами «консультативная работа с личностью, семьей, аномалией и др. стала к концу второго тысячелетия для западной цивилизации важнейшим делом»

³ Можно предположить, что подобная область знания способствовала бы более всесторонней и адекватной саморефлексии психологической науки. Можно обозначить и основные контуры ее предмета как охватывающего: 1) анализ социальных процессов, разворачивающихся в психологическом сообществе; 2) изучение его взаимоотношений с обществом; 3) исследование воздействия социальных факторов на процесс производства психологического знания.

⁴ В этой связи Ф. Риф подчеркивает, что к середине XX века доминантным типом западной культуры стал Человек психологический, сменив Человека морального и Человека экономического [22].

[25, с. 190], «становление научной психологии существенно продвинуло в развитии все наиболее значительные моменты обыденной психологии» [25, с. 201]. Констатируется и «прогресс как в профессионализации научного сообщества (психологического — А. Ю.), так и во взаимном движении навстречу психологов и непрофессиональных пользователей психологического знания» [7, с. 126]. А еще ранее один из классиков отечественной методологической мысли — Г.П. Щедровицкий — подчеркивал, что «психология — это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т.е. это и весь мир, взятый в определенном повороте, ракурсе [28, с. 141]⁵.

Отслежен ряд знаковых тенденций в развитии психологической науки и практики. Среди них, прежде всего, *рост численности психологов*. В частности, И.Е. Сироткина и Р. Смит констатируют: «...экспансия психологии в западном мире началась примерно с 1940-х годов (некоторые авторы называют и более ранние сроки — 1920-е годы), когда начался массовый приток психологов в такие области, как медицина, армия, бизнес, образование» [22, с. 114].

Но особо значительный рост количества специалистов в этой сфере пришелся на конец истекшего столетия. В частности, с 1980 по 1991 г. эта цифра удвоилось во всем мире. Однако несмотря на это, в 1991 г. их было в 12 раз меньше, чем физиков [35]. В собственно исследовательскую активность тогда было вовлечено не более 15 % психологов, почти половина которых работали в США, а примерно половина публикаций по психологии выходила на английском языке. В результате в количественном

плане почти «половину» мировой психологической науки составляла американская психология, что вызывало понятную озабоченность психологов из других стран [1].

Вообще же в развитых странах на душу населения приходится примерно в 20 раз больше психологов-исследователей, чем в развивающихся. В 1991 г. их там насчитывалось 347 человек на миллион населения, а психологов-исследователей — 82, в то время как в развивающихся странах — 84 психолога на миллион жителей, а психологов-исследователей — только 3,6 % [35]. Получается, что, хотя психологическая культура, предполагающая распространение и практической, и исследовательской психологии, прогрессирует в разных странах, она все же характерна для более индустриально развитых государств. Это подтверждает известную закономерность: внимание к психологическим проблемам заметно проявляется в благополучных в экономическом отношении государствах, в то время как менее развитым странам, не решившим своих базовых экономических и социальных проблем, не до психологии.

Общая численность психологов в стране коррелирует и с другими факторами, например, с тем, насколько давно она развивает психологическую науку и практику, а также со стабильностью правительств и институций [35]. М. Розенцвейг предлагает S-образную модель количественного роста национальных психологических сообществ, предполагающую, что в большинстве стран численность психологов сначала нарастает медленно, затем — быстро, а впоследствии период быстрого роста их численности сменяется периодом более медленного, устойчивого роста. Однако он подчеркивает, что возможны как политические ситуации, замедляющие возрастание численности психологов, так и социальные изменения, порождающие изменение отношения к психологии. И те,

⁵ Р. Коллингвуд выразил похожую мысль гораздо менее лестным для психологии образом, определив ее как «модное наукообразное мошенничество эпохи», вместе с тем подчеркнув, что «она и есть то знание, которого ищет мир» [6, с. 376].

и другие способны вносить коррективы в S-образную кривую [35].

В разных странах, начиная с США 40-х гг. прошлого века, развернулось и движение за *легализацию статуса психолога*, выделение этой деятельности как самостоятельной профессии и ее разграничение с близкими видами деятельности — медициной, психиатрией и т.д. [35]. Но, пожалуй, ни в одной стране мира этот процесс не идет так мучительно, как в России, где кто только не подвизается от имени психологии, повсеместно существуют так называемые «сокращенные» психологические курсы, дающие суррогаты психологического образования, нет никаких законодательных механизмов, препятствующих проникновению в психологию дилетантов и шарлатанов. При этом многолетние попытки создать такой механизм пока не увенчались успехом, что подтверждает репутацию современной России как страны победившего *ее* либерализма (автор использует парафраз известного выражения Ф.М. Бурлацкого), где можно все и возможно все.

Представляют интерес данные проведенного в 1991 г. опроса представителей психологических организаций в разных странах, направленного на выявление того, что служит препятствиями проведению высококачественных психологических исследований. Большая часть опрошенных в качестве главного препятствия назвала недостаток финансирования [35], который, как видим, является не чисто российской, а интернациональной проблемой. При этом опрошенные отмечали, что фундаментальная наука во всем мире переживает проблемы с финансированием, но психология оказалась в худшем положении, чем другие дисциплины. Немало опрошенных психологов было убеждено, что психология находится в положении «униженной и оскорбленной», по сравнению с другими науками. Было обращено внимание и на возможность

порочного круга: если финансирование психологии не улучшится, она будет обладать недостаточными возможностями решения наиболее острых социальных проблем, что приведет к еще худшей ситуации с ее финансированием [35].

Вместе с тем психология как наука получает все большее признание, что находит выражение в самых разных показателях, в частности, в большом внимании к ней со стороны СМИ [35] — несмотря на то, что широко распространено восприятие психологии как «гуманитарной, литературной, философской, качественной, интуитивной дисциплины, а не науки» [35, р. 61]. Две трети опрошенных М. Розенцвейгом психологов констатировали, что социальное признание психологии в обществе возрастает, хотя пока и остается недостаточно высоким, уступающим социальному статусу естественных наук.

Вполне достойно психологическая наука выглядит и по библиометрическим показателям. Так, в начале этой декады публикации по социогуманитарным наукам составляли 8,17 % общего мирового потока научных публикаций, а наибольший удельный вес среди этих наук имела именно психология — 2 % (или 75 тыс. публикаций в год), в то время как, скажем, экономика — лишь 1 % [8].

«Сейчас психологическая наука — это часть жизни и культуры во всех индустриальных странах и во многих развивающихся», — констатирует М. Розенцвейг [35, р. 70]. Вместе с тем он отмечает, что для непосвященных, а к таковым принадлежит большая часть общества, в том числе и западного, очень характерно непонимание различий между психологией, психиатрией, неврологией и психоанализом, и к тому же неразличение ее с такими псевдонауками, как астрология [Ibid.]. Отметим, что неразличение разных видов психологической и околпсихологической деятельности, непонимание различий между психологами, психиатрами,

психотерапевтами, психоаналитиками, усугубляемое тенденцией «примазывания» к психологии астрологов, энерготерапевтов и иже с ними, еще более характерно для нашей страны.

Возникают проблемы и с классификацией психологии в системе наук, причем в разных странах это делается по-разному. Так опрос, проведенный М. Розенцвейгом, продемонстрировал, что психология квалифицируется и как естественная наука, и как биологическая, и как медицинская, и как поведенческая, и как образовательная, и как гуманитарная наука, и как научная дисциплина совершенно особого типа, причем ее классифицируют по-разному не только в разных странах, но и в различных университетах одной и той же страны, и даже в рамках одного университета сосуществуют ее различные понимания [35].

Обнаружилась также любопытная связь между уровнем развития страны и статусом психологии. В развитых странах психология чаще, чем в развивающихся, классифицируется как биологическая наука, а в развивающихся – как социальная, т.е. тенденция приписывать психологии статус естественной науки коррелирует с уровнем развития страны. В этом плане тенденция к «гуманизации» психологии, к отказу от ее естественно-научных оснований, проявляющаяся в последнее время в отечественной психологической науке, сближает ее с наукой развивающихся стран, что неудивительно. Так, удельный вес технического персонала в отечественной науке существенно меньший, чем в западной [4], что связано с общеизвестными проблемами в ее финансировании. Это касается всех наук, в том числе и отечественной психологии, которой в подобных условиях проще развивать гуманитарную парадигму, не требующую капиталоемкого технического обеспечения.

Налицо и тенденция к *феминизации психологии*, которая «во многих частях

мира предоставляет большие возможности для женщин, чем другие науки» [35, р. 25]. Однако здесь имеются существенные различия между разными странами. В. Секстон и Дж. Хоган подсчитали, что в европейских странах 53 % всех психологов составляют представительницы прекрасного пола, в странах Южной Америки и Карибского бассейна – 70 %, а в странах Азии – только 25 % [36]. Феминизации в разной степени подвержены и различные разделы психологии. Так, Д. Таргуд и Дж. Вейнман выявили, что среди американских докторов психологии феминизация, количественно характеризующаяся как соотношение женщин и мужчин, максимальна в психологии образования (2,38), психологии развития (2,36), школьной (1,89), социальной (1,74), консультативной (1,52) и клинической (1,42) психологии, а минимальна – в экспериментальной (0,52) и организационной (0,75) психологии [38]. По этим фактам видно, что в целом женщины-психологи, по крайней мере, американские, меньше, чем мужчины, любят экспериментировать и явно тяготеют к тем разделам психологии, которые связаны с детьми, что в целом вписывается в традиционные гендерные стереотипы.

В связи с феминизацией психологии иногда высказываются опасения, что она может привести к снижению престижа этой деятельности. Например, на том основании, что в условиях массового притока женщин в те сферы деятельности, которые традиционно были мужскими, обычно происходит снижение их престижности [35]. Иногда, впрочем, высказывается и обратное предположение – о том, что феминизация психологии является следствием ее относительно невысокой престижности [Ibid.].

Тематическая «карта» психологии в целом выглядит вполне интернациональной. Выражена тенденция к сосредоточению основных финансовых потоков в первую очередь на когнитивной психологии

и нейропсихологии [39]. Вместе с тем проявляется и национальная специфика. Так, например, в японской психологической науке развиваются такие области, как Zen-психология и другие восточные психологические системы [39], т.е. интернациональность господствующей психологической тематики дополняется специфическими акцентами психологической науки, связанными с особенностями той или иной страны и культуры. При этом психологическая наука обнаруживает одну из самых высоких, в сравнении с другими научными дисциплинами, «местную привязку» — к определенной культуре и т.п., что проявляется, например, в довольно низкой доле эмигрантов-психологов. Например, в США психологи составляют наименьший процент (9 %) эмигрантов со степенью доктора наук [37].

Интернациональной чертой, проявляющейся в мировой психологии с 50-х гг. прошлого века, является *стремительное развитие практической психологии* на фоне относительного забвения традиционных, академических областей исследования. М. Розенцвейг проследил эту тенденцию в таких странах, как США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия, Португалия, Испания, Норвегия, Аргентина, Бразилия, Куба, Турция, Индия, Мексика, ЮАР и др. [35], что позволяет говорить о ее подлинно интернациональном характере. Она отчетливо проявляется и в современной России, где на многочисленную армию психологов-практиков приходится два НИИ, созданные в давние советские времена. В индустриальных странах динамика численности академических психологов в последние десятилетия выглядит как «плато», в то время как численность психологов-практиков нарастает по экспоненте [35.]. А В. Секстон и Дж. Хоган выражают опасение, что эта тенденция может привести к тому, что в конце

концов мы будем иметь «психологию без науки» [36, р. 476].

Стремительное возрастание количества психологов-практиков на фоне относительной девальвации традиционной академической психологии⁶ привело к формированию непростых и достаточно напряженных отношений между психологами-исследователями и психологами-практиками, а в некоторых странах — и к расколу психологических ассоциаций [35]. Эта тенденция тоже отчетливо выражена в современной России, где наблюдается «схизис» [3] между исследовательской и практической психологией, а отношения между их представителями отнюдь не безоблачны.

Отметим, что подобная ситуация кроссдисциплинарна, т.е. характерна для многих социогуманитарных дисциплинах. Например, в социологии происходит размежевание трех основных ипостасей (фактически — самостоятельных профессий) этой профессиональной деятельности: социолога-ученого, социолога-прикладника и социального технолога. При этом, как отмечает М. Задорин: «В фундаментальной науке просто не хватает денег для обеспечения достойного существования и экономически не стесненного занятия любимым творчеством. А в прикладной сфере не хватает символического капитала и соответствующих профессиональных статусов, подтверждающих свою компетентность и профессионализм. Вот и получается, что ученый бежит за деньгами в “коммерческую халтуру”, доказывая одновременно себе и другим свою “востребованность”, а прикладник вынужден на полгода “уходить из бизнеса”, чтобы

⁶ Отметим, что аналогичная тенденция характерна для всех наук: «В течение всего XX столетия удельный вес прикладного исследования нарастал. Доля же чистой науки относительно сокращалась» [17, с. 117]. Но особенно отчетливо эта тенденция проявляется в последнее время ([20] и др.).

написать кучу не очень научных статей в очень научные журналы и получить “корочки” кандидата или доктора, в общем-то малополезные для его непосредственной деятельности» [5, с. 71].

Впрочем, появление на нашем специфическом рынке таких его сегментов, как проплаченные «защиты под ключ» [31] и т.п., позволяет социологам-бизнесменам получать ученые степени «без отрыва от производства».

Нечто подобное наблюдается и в психологии. Академические психологи тоже равнодушны к впечатляющим гонорарам психологов-практиков, а те — к имеющимся лишь у немногих из них научным степеням. К тому же, академические психологи подчас воспринимают психологическую практику если не как торговлю воздухом, то как продажу, причем за немалые деньги, весьма сырого и ненадежного знания, которое, прежде чем выставлять на продажу, следовало бы многократно перепроверить в психологических лабораториях.⁷ Немало проблем возникает и в отношениях научного психологического сообщества с теми психологами-практиками, которые обслуживают политиков. В процессе подготовки и проведения избирательных кампаний, предполагающих различные формы «одурачивания» избирателей («черный» пиар, «грязные» политтехнологии и т. п.), эти психологи грубо нарушают этические нормы науки (и не только науки). В.Е. Семенов задается вопросом: «Ведают ли что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы

победителей? А на самом деле — людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов» [21, с. 42]. Иногда раздаются призывы к отлучению таких психологов от психологического сообщества.

Но даже если подобных нарушений не происходит, наблюдается расхождение этических систем фундаментальной и прикладной науки, на неизбежность которого обращает внимание Б.И. Пружинин [17]. В частности, он отмечает: «Поиски истинного знания являются для фундаментального исследования вещью самодовлеющей; для прикладного исследования истина является ценностью инструментальной, а самодовлеющей ценностью оказывается как раз технологическая эффективность знания» [17, с. 116], что обуславливает расхождение ценностных ориентаций, характерных для двух страт научного общества.

Отмечается и то, что практическая психология, в отличие от академической, во многом носит «теневой» характер, что углубляет «схизис» между ними. В.Б. Хозиев пишет, что «значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре» [25, с. 190]. «Теневой» характер этой ниши определяется тем, что «невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний “консультативных случаев” в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии» [25, с. 190].

Любопытно, что если для самой психологии характерен разрыв или «схизис» [3] между исследовательской и практической

⁷ В этом плане наиболее показательным отношением к психоанализу, ни одно из базовых положений которого, как принято считать в академической психологии, до сих пор не получило нормативного в науке эмпирического подтверждения. Отмечаются, в частности, «вызывающая метафоричность» психоаналитической теории, «сомнительность его доказательной базы» [25] и т.п.

психологией⁸, т.е. психологией как наукой и психологической практикой, массовому сознанию, напротив, свойственно не видеть различий между ними и возлагать на психологическую науку ожидания, которые можно предъявлять лишь психологической практике⁹. В результате академических психологов часто обвиняют в том, что, имея ученые степени и звания, они не способны решать практические проблемы. Это — примерно то же, что требовать от биолога умения удалять аппендицит или от физика — чинить телевизоры или холодильники. Хотя в первом случае используется биологическое знание, а бытовые приборы изготовлены на основе знания физического, ученые как производители этого знания вовсе не обязаны быть специалистами по его практическому применению и, как правило, не являются ими, что, казалось бы, должно быть очевидным и для обывателя, однако ясно далеко не всем. В этом смысле к психологической науке в полной мере применимы слова, сказанные одним из наших социологов в отношении социологии: «Донести до властей предрежающих голос народа, помочь обществу понять самое себя — очень сильные стимулы (и в некотором смысле

многими они воспринимаются как долг, миссия), однако не являющиеся чисто научными ценностями. Строго говоря, настоящий служитель науки никому, кроме Бога и Истины, ничего не должен. Чего, конечно, нельзя сказать о социологе-прикладнике» [5, с. 69].

3. Психологическая культура современного российского общества

Несмотря на отсутствие сколько-либо удовлетворительной «инвентаризации» отечественного психологического сообщества, предполагающей сведения об общей численности психологов, их распределении по различным сферам деятельности и т. п., в современном российском обществе все же имеются отдельные оценки места психологической науки и практики. Так, общая численность психологов в современной России оценивается цифрами порядка 150 тыс. человек, хотя симптоматичны как большой разброс количественных оценок их численности, так и отсутствие внятных указаний на источники оценок. Приводятся данные о том, что в одной только системе образования у нас задействовано 64 тыс. психологов, что в стране действует более 700 психолого-медико-социальных центров. Подсчитано, что с 1990 по 2000 г. в нашей стране было издано 64 учебника и 109 учебных пособий по психологии (для сравнения в правоведении — 455 учебников и 488 учебных пособий, в экономике — соответственно, 153 и 321) [12].

В данной связи уместно упомянуть также результаты проведенного Центром РОМИР опроса, который продемонстрировал, что наши студенты делят социогуманитарные науки на три категории, относя к «дисциплинам-лидерам» экономику и право(ведение), к «перспективным дисциплинам» — «специальностям будущего» — социологию, психологию, политологию и международные отношения, к «дисциплинам-аутсайдерам» — историю,

⁸ Этот «схизис» имеет не только когнитивную, но и социальную составляющую, предполагая соответствующий раскол психологического сообщества. Ф.Е. Василюк описывает его так: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о “звездах” психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [3, с. 26].

⁹ Это вписывается в нашу давнюю традицию. «У нас вечно путают чистую науку с прикладной» (цит. по [17, с. 113], — писал П.Л. Капица еще в те годы, когда у нас науку чттили и уважали, а всевозможные маги и экстрасенсы не подвизались от ее имени.

филологию, философию, культурологию и педагогику [2].

Представляют интерес и данные о частоте обращения наших сограждан к психологам, тоже полученные не психологами, а социологами – Фондом «Общественное мнение». Проведенный ФОМ опрос показал, что телепередачи, посвященные проблемам психологии¹⁰, смотрят часто 9 % наших сограждан, смотрят редко – 30 %, не смотрят вообще – 60 %. Публикации или книги, посвященные проблемам психологии, читают часто 16 %, читают редко – 9 %, не читают вообще – 73 %. При возникновении душевных переживаний, проблем в личной жизни или в отношениях с другими людьми к кому-либо за советом, психологической поддержкой, помощью обращаются 37 %, не обращаются – 58 %. За помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту когда-либо обращались 6 % (в Москве – 12 %), не обращались – 93 %. Допускают для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту 33 %, исключают – 47 %. Считают, что сегодня в нашей стране профессиональных психологов, психотерапевтов, служб, оказывающих профессиональную психологическую помощь, слишком много, – 14 %, что их слишком мало – 22 %, что их столько, сколько нужно, – 20 % (затруднившихся ответить на данный вопрос 44 %). Полагают, что профессиональные психологи и психотерапевты в целом заслуживают доверия и обращение к ним обычно приносит пользу, – 35 %, что они в целом не заслуживают доверия и обращение к ним обычно не приносит пользы – 18 % (затруднившихся ответить 47 %) [13].

¹⁰ При изложении результатов опроса приводятся формулировки, использованные его организаторами. Процент затруднившихся ответить в отношении большинства вопросов автором опускается.

Из описанных данных можно сделать три основных вывода.

Во-первых, отечественная психологическая культура имеет «закрытый» характер: большая часть наших сограждан носит свои психологические проблемы в себе, не обращаясь к кому-либо за психологической помощью и поддержкой. В описанном выше опросе ФОМ выяснилось, что вообще ни к кому не обращаются за советом и помощью при душевных переживаниях 58 % респондентов, а обращаются только 37 % [13; 16].

Во-вторых, в нашей стране пока не сформировалась очень характерная для Запада культура обращения к профессиональным психологам и психотерапевтам, услугами которых пользовались лишь 6 % россиян¹¹. Психологические проблемы в нашей культуре принято решать с помощью друзей и горячительных напитков, а не психологов. Поэтому показательно, что почти половина наших сограждан не могут сказать ничего определенного про отечественные психологические службы, психологов и психотерапевтов, скорее всего, просто не зная о них (о чем свидетельствует высокий процент затруднившихся ответить на соответствующие вопросы). «Коллективная репутация данного сообщества находится еще в стадии формирования», – делают вывод авторы опроса [16, с. 95]. Обращающихся к психологам нередко характеризуют как «людей, слабых духом», «не уверенных в себе», «не умеющих совладать со своими слабостями», «психически неуравновешенных», «душевнобольных», а то и вообще как «пьяниц» и «наркоманов» [там же] (проявляется весьма любопытный российский стереотип: напиток при возникновении психологических проблем – проявление

¹¹ В.Б. Хозиев отмечает, что «приход и обращение в консультацию есть своего рода фильтр рандомизации – это особая выборка подопечных, которая уже поняла что-то» [25, с. 204–205].

силы, а обратиться к психологу — проявление слабости).

В-третьих, существует большое количество людей, которые смотрят телепередачи, посвященные психологическим сюжетам (в сумме 39 %), и читают соответствующую литературу [13], что говорит хотя и о не преобладающем, но все же о массовом интересе к ним. Можно сказать, что в нашей стране достаточно выраженный массовый интерес к психологии сочетается с редким обращением к профессиональным психологам и психотерапевтам, в основном удовлетворяясь с помощью телепередач и литературных изданий.

Отметим и еще два обстоятельства:

1. Обращение к психологам воспринимается в России как развлечение для богатых. Только 14 % опрошенных ФОМ респондентов выразили уверенность в том, что услуги психологов доступны по цене таким людям, как они, 47 % — убежденность в том, что они недоступны, а 16 % характеризовали клиентуру психологов как людей «обеспеченных», «богатых», «с высоким достатком», «тех, у кого деньги некуда девать» и т.п. [16]. Разумеется, причина подобного стереотипа отчасти состоит в простой неосведомленности: некоторые службы психологической помощи населению предоставляют бесплатные услуги, о чем звучат объявления в метро, которые значительная часть населения, судя по его неосведомленности, пропускает мимо ушей. Но следует признать и то, что многие наши практикующие психологи своими впечатляющими финансовыми аппетитами внесли вклад в его закрепление. В этом плане наша страна пока заметно отличается от западных стран, где существуют психологи как для богатых, так и для бедных (у нас же дело здесь обстоит пока по-русски: либо дорого, либо бесплатно, середина отсутствует).

2. Среди молодых респондентов (18–35 лет) допускают возможность обращения к психологам или психотерапевтам 44 %,

не допускают — 38 %, в то время как среди лиц среднего возраста (35–55 лет) — соответственно, 31 и 48 %, а среди относительно пожилых (свыше 55 лет) — 21 и 56 %.

Воспроизведем вывод авторов опроса: «Столь ощутимые межпоколенческие различия определенно указывают на перспективу расширения потенциальной клиентуры профессиональных психологов, ослабление предубеждения против обращения к их услугам» [16, с. 95].

В плане оценки места психологии (и психологов) в современном российском обществе симптоматичны также данные другого опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение». На вопрос о том, представители каких специальностей больше всего нужны сегодня России, нашему обществу в целом¹², психологию отметили 25 % опрошенных (более высокие места в выстроенной таким образом иерархии социогуманитарных дисциплин заняли педагогика, которую отметили 39 % опрошенных, экономика — 38 %, юриспруденция и право — 29 %)¹³. Отвечая на вопрос о том, какие из этих специальностей пользуются наибольшей популярностью у молодежи, психологию назвали 19 % респондентов (юриспруденцию и право — 55 %, экономику — 48 %, менеджмент и управление — 46 %, журналистику — 23 %). Психологию в числе специальностей, с которыми легче всего устроиться на хорошую, высокооплачиваемую работу, отметили лишь 5 % опрошенных (юриспруденцию и право — 37 %, экономику — 32 %, менеджмент и управление — тоже 32 %, международные отношения — 15 %, журналистику — 13 %, архитектуру — 6 %). Столько же — 5 % — респондентов обозначили психологию как

¹² Вновь приводятся формулировки, использованные при проведении опроса.

¹³ Здесь, как и далее, в скобках перечислены лишь те дисциплины, которые в этой иерархии заняли более высокие места, нежели психология.

специальность, которую они выбрали бы, если бы у них была возможность получить любую из гуманитарных и социальных специальностей (юриспруденцию и право – 12 %, экономику – 10 %, международные отношения – 7 %) [14].

Эти данные тоже достаточно красноречивы. С одной стороны, психология воспринимается как одна из четырех специальностей, наиболее востребованных в современной России, пользующихся популярностью у молодежи. С другой стороны, возможность хорошо зарабатывать, работая психологом, оценивается невысоко, с чем, вероятно, связана и скромная доля респондентов, которые хотели бы иметь эту специальность. Кроме того, общее количество респондентов, воспринимающих психологию в качестве одной из самых нужных для нашего общества профессий, составляет лишь 25 %, и налицо тенденция считать педагогику, экономику и право более важными профессиями. Конечно, *восприятие* места психологии в нашем обществе людьми, имеющими о ней не слишком ясные представления, не выражает ее истинного места, но определенное соответствие между социальными представлениями о реальности и самой реальностью в данной случае, как и во всех прочих, все же имеется.

Место психологической науки и практики в нашем обществе запечатлевается и во внимании, уделяемом им отечественными СМИ. С одной стороны, психология не обделена их вниманием, пользуется репутацией одной из наиболее интересных для обывателя сфер профессиональной деятельности, в значительной мере «загадочна» для него, от чего становится еще более интересной, а психологические проблемы имеют практически у каждого, вследствие чего рекомендации психологов считаются полезными для широких масс. С другой стороны, преподнесение психологии отечественными СМИ выглядит весьма одиозным,

что неудивительно на фоне отсутствия как базовой психологической культуры, так и культуры общения с психологами у основной части их представителей. Состояние психологической науки, ее проблемы, достижения и т.п. воспринимаются как «не тема» для массового читателя или телезрителя, что органично вписывается в общую тенденцию снижения интереса отечественных СМИ к науке, а психологическая практика в отображении нашими СМИ в основном сводится к *поп-психологии*¹⁴, имеющей отдаленное отношение к научному психологическому знанию и предлагающей наиболее примитивные психологические рецепты. Подобное преподнесение психологии дополняется откровенной эзотерикой, рекламой «психологических центров», оказывающих такие услуги, как помощь в общении с духами умерших, а также предложением услуг «докторов парапсихологии», по совместительству являющихся магистрами белой и черной магии, обещающими «приворожить любовника», «вернуть мужа за полчаса» и т.п. Отмечается, что «в борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились представители вне- и околонучных форм знания: поп- и парапсихология, широко и незаслуженно использующие бренд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией» [10, с. 167–168]. Гремучая смесь тривиальностей, каббалистики и откровенного мошенничества подается обывателю от имени психологии. Эпизодическое же обращение СМИ к профессиональным психологам в качестве комментаторов различных бытовых ситуаций, равно как и «раскручивание» таких медийных персон, как «доктор Курпатов», мало влияют на общую картину и создают в массовом

¹⁴ О ней см. [29].

сознании крайне искаженный образ психологии и психологов.

Показательно и то, что в ситуациях, когда в отечественных СМИ, например, на телевидении, обсуждаются более серьезные сюжеты, такие, как различные проблемы современного российского общества, в качестве представителей научного сообщества привлекаются преимущественно политологи и экономисты, а не психологи. И здесь налицо большой контраст с западными странами, где, как, например, в Англии и США, примерно три четверти выступлений СМИ по проблемам науки посвящены медицине, биоэтике и биологии человека. Далее идут науки о поведении, космонавтика и инженерия и лишь затем политические науки [24]. Как отмечает В.П. Филатов, «такое распределение интересов более естественно для нормальных людей, озабоченных не экономическим выживанием, а качеством жизни и оздоровлением окружающей среды» [24, с. 96], в то время как у нас «сейчас на общественной трибуне тон задают экономисты и политологи» [24, с. 95].

Что же касается психологов, то в современном российском обществе они воспринимаются как специалисты по «малым делам», таким, как психологические проблемы личности или семьи, а «большие дела» – проблемы государственного устройства или магистральных путей развития нашего общества – рассматриваются как находящиеся вне пределов их компетентности. Сбывается прогноз Г.П. Щедровицкого, который еще в начале 80-х гг. прошлого века предупреждал: «Если психологи будут медлить, они могут быть вытесненными в какие-то периферийные, маргинальные области ... И каждый раз, когда они будут пытаться расширить свою область изучения до некоторой целостности, будут пытаться придать ей осмысленность, им будут говорить: “Вы куда? Здесь уже все занято, мы уже все сделали!”» [28, с. 146–147].

Подобная ситуация резко дисгармонизирует с самосознанием самой психологической науки, представители которой констатируют, что «именно психология сейчас востребована как никакая другая наука» [10, с. 103], выдвигают такие формулы – «улучшите природу человека, и вы улучшите все» (цит. по [26, с. 521]), и предсказывают, что XXI век станет «веком психологии» [1]. Дисгармонизирует она и с местом психологии в мировой науке, а также с вкладом в эту науку российской психологии. В общем потоке научных публикаций доля социогуманитарных наук не превышает 11 %, но при этом удельный вес психологии (2,08 %) максимален среди всех наук этой группы, более чем в два раза превышая долю экономики (0,99 %) и почти в четыре раза – долю политических наук (0,55 %) [8]. Российские публикации по социогуманитарным наукам составляют менее 1 %, что, конечно, не радует, но, по общему признанию, во многом связано с языковым фактором и не выражает ее истинного вклада в мировую науку. Отечественная психология занимает в этом плане вполне неплохое – шестое место (0,99 % мирового потока публикаций по психологии), вновь опережая и экономику (девятое место), и политические науки (десятое место) [8].

Таким образом, место психологии в нашем обществе выглядит если и не малозаметным, то во всяком случае резко дисгармонизирующим с ее возможностями, амбициями, положением в мировой социогуманитарной науке и др., что могло бы стать одной из ключевых проблем социологии психологии, если бы такая область знания существовала. Не касаясь всего многообразия причин данной ситуации (более подробно они рассмотрены в [30]), отметим, что она во многом сопряжена с явно недостаточной *социальной релевантностью* психологической науки, которую было бы принципиально неверным сводить лишь к ее *практической*

релевантности [30]. Недостаточная социальная релевантность психологии сопряжена и с ее низкой активностью в выполнении подобных функций и с ее неадекватным образом, сложившимся в нашем массовом сознании, и с тем, что типовые продукты психологического исследования — коэффициенты корреляции между переменными и др. — очень далеки от того, что является социально востребованным знанием¹⁵, и с рядом других причин.

В психологическом сообществе и в системе его взаимоотношений с современным обществом наблюдаются важные тенденции, влияющие на основные траектории развития психологической науки и практики. Эти тенденции в основном носят интернациональный характер, первоначально обнаруживаясь на Западе, прежде всего в США, но по прошествии некоторого времени проявляясь и в других странах. Вместе с тем они обладают и некоторой национальной, а в нашей стране — российской спецификой, «самой специфичной из всех специфик». Главными проявлениями этой российской специфики служат: а) «закрытая» психологическая культура современного российского общества, определяющая особый характер «потребления» им психологической науки и практики; б) весьма скромное место психологии в «семействе» социогуманитарных наук, вопреки мировой практике, у нас выглядящей «младшей сестрой» экономики и политологии; в) приписывание психологам роли специалистов по «малым

делам», в то время как «большие дела» вершатся без их участия, что порождает типичный для наших социальных реформ результат, выразимый формулой «опять забыли про человека».

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. 2005. № 5. С. 5–15.

2. *Белов Е.В., Плотнокова С.Г.* Социально-гуманитарное образование в России: материалы социологического исследования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 225–311.

3. *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

4. *Дежина И.Г.* Кадровая политика государства в сфере науки: новые меры при старых подходах // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. С. 309–322.

5. *Задорин М.* Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65–74.

6. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980.

7. *Корнилова Т.В.* Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 120–129.

8. *Маршакова-Шайкевич И.* Вклад России в развитие мировой науки: библиометрическая оценка // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 314–345.

9. *Микулинский С.Р.* Еще раз о предмете и структуре науковедения // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 118–131.

10. *Мироненко И.А.* Об источниках сомнений в прогрессе психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 94–106.

11. *Мошкова Г.Ю., Юревич А.В.* Психобиография — новое направление в изучении науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 67–75.

12. *Нефедова З.А., Пахомов Н.Н., Розин В.М.* Об обеспеченности высшего социально-гуманитарного образования учебной литературой // Преподавание социально-гуманитарных

¹⁵ Х. Куликан задает риторический вопрос, в котором содержится и ответ: «Если мы проводим исследование, предполагающее хорошо контролируемые процедуры и точные, количественно определяемые, переменные, что рекомендовано в подавляющем большинстве учебников, не получаем ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?» [32, р. 170]. Данное обстоятельство отмечается также Р. Харре [33] и многими другими авторами.

дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 312–317.

13. Опросы без комментариев // Социальная реальность. 2006. № 6. С. 59–66.

14. Опросы без комментариев // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 49–56.

15. Основы науковедения / под ред. С.Р. Микулинского. М., 1986.

16. Профессиональные психологи в России / Г. Кертман // Социальная реальность. 2006. № 7–8. С. 95.

17. Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. М., 2008. С. 108–121.

18. Рачков П.А. Науковедение: проблемы, структура, элементы. М., 1974.

19. Родный Н.И. История науки, науковедение, наука // Вопросы философии. 1972. № 5. С. 36–49.

20. Семенов Е.В. Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформы // Наука. Инновации. Образование. М., 2006. С. 29–61.

21. Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.

22. Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество»: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.

23. Социологические проблемы науки. М., 1974.

24. Филатов В. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89–96.

25. Хозиев В.Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 190–206.

26. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

27. Шиянова И.А. Фундаментальное и прикладное знание в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание

социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 70–78.

28. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 133–151.

29. Юревич А.В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.

30. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. № 4. С. 5–14.

31. Юревич А.В. Теневая наука в современной России // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. С. 41–54.

32. Coolican H. Research methods and statistics in psychology. London, 1998.

33. Harre R. The positivist-empiricist approach and its alternative // Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. Chichester, 1981. P. 20–48.

34. Moscovici S. Society and theory in social psychology // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.

35. Rosenzweig M.R. What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. Washington, 1992.

36. Sexton V.S., Hogan J. (Eds.) International psychology: Views from around the world. Lincoln, 1992.

37. The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21st century technologies: promises and perils of dynamic future. OECD, 1998. P. 33–46.

38. Thurgood D.H., Weinman J.M. Summary report, 1990: Doctorate recipients from United States universities. Washington, 1991.

39. Tracy J.L., Robins R.W., Gosling S.D. Tracking trends in psychological science: An empirical analysis of the history of psychology // The life cycle of psychological ideas: Understanding prominence on the dynamics of intellectual change (path in psychology). N. Y., 1992. P. 105–130.